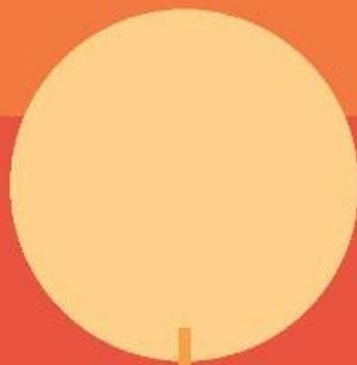

Р О М А Н

РАЗОБЛАЧИТЬ

И

ВЛЮБИТЬСЯ

Алина Марш

Разоблачить и влюбиться

«Автор»

2026

Марш А.

Разоблачить и влюбиться / А. Марш — «Автор», 2026

Её отправили уничтожить его репутацию. Она уничтожила собственную. Кира Величко — журналист-расследователь. Три года назад её мать отдала все деньги мошеннику-«наставнику», и с тех пор Кира не верит красивым словам. Новое задание выглядит просто: три недели под прикрытием в закрытом ретрит-центре на побережье Португалии. Восемь тысяч евро за программу, лист ожидания на полгода вперёд, харизматичный ведущий с безупречной репутацией. Найти схему, вскрыть обман, написать разоблачение на первую полосу. Но Матео Соарес — не тот, кого она ожидала найти. Бывший кардиохирург, потерявший пациентку пятнадцать лет назад. И он раскусил её легенду в первый же вечер — но почему-то не разоблачил. У Киры десять дней до дедлайна и выбор, который она не готова сделать: написать статью, которую от неё ждут, или правду, которая разрушит карьеру — и, возможно, человека, в которого она влюбилась. Роман о честности, которая дороже безопасности. О том, что отпустить прошлое — не значит забыть его.

© Марш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Разоблачить и влюбиться	5
Роман	5
Алина Марш	5
Глава 1. Задание	6
Глава 2. Синтра	8
Глава 3. Первая практика	10
Глава 4. Досье	12
Глава 5. Разговор у виноградника	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алина Марш
Разоблачить и влюбиться

Разоблачить и влюбиться

Роман

Алина Марш

Глава 1. Задание

Кира Величко ненавидела слово «пробуждение». Оно стояло в одном смысловом ряду с «энергиями», «намерением» и «женской силой» — словами, которые превращали нормальных, в общем-то, людей в клиентов инфобизнеса с чеком на триста тысяч рублей за «трансформационный курс выходного дня». За шесть лет работы в отделе расследований она видела десятки таких слов, и у каждого была своя цена входа и своя схема обмана, обёрнутая в красивую обложку.

— Ты серьёзно хочешь, чтобы я туда поехала, — сказала она, не отрывая взгляда от экрана редактора, где мигал курсор в недописанном абзаце про очередного коуча по финансовому изобилию.

Главред Издания, Олег Петрович, стоял в дверях её кабинета — тесной стеклянной коробки на девятом этаже бизнес-центра, куда редакция въехала два года назад, когда бумажная версия журнала окончательно умерла, а онлайн-трафик, наоборот, взлетел на скандалах вокруг псевдодуховных гуру. Он стоял с той характерной позой человека, который уже принял решение и просто ждёт, пока подчинённый догонит его мысленно — руки в карманах, взгляд слегка поверх головы собеседника, будто смотрит не на Киру, а на будущий заголовок.

— Ты лучший расследователь в этом сегменте, Кира. Марафоны желаний, коучи по деньгам, гуру осознанности — ты сожгла уже человек десять за последние два года. Помнишь ту историю с «энергетическим лечением рака»? Сто восемьдесят тысяч просмотров и уголовное дело в итоге. А это, — он подошёл ближе и кинул на стол распечатку, — крупная рыба. Настоящая, не карманная.

Кира взяла листок. Фотография мужчины лет сорока с небольшим — тёмные волосы с проседью на висках, спокойное, почти отрешённое лицо человека, которому, кажется, никогда никуда не нужно спешить. Взгляд прямой, без заискивающей улыбки, которую обычно репетируют перед камерой все инфлюенсеры от духовности. Ничего в этом лице не кричало «шарлатан». Это её насторожило больше всего — обычно она видела фальшь с первого кадра.

— Матео Соарес. Ретрит-центр в Синтре, Португалия, — продолжил Олег Петрович, усаживаясь на край её стола, что раздражало её каждый раз, но замечание на этот счёт она делала уже раз пять и сдалась. — Три недели, восемь тысяч евро с носа, лист ожидания на полгода вперёд. Бывшие клиенты — топ-менеджеры европейских компаний, пара актрис, говорят, один депутат Европарламента ездил инкогнито. Никакой рекламы, никакого маркетинга — сарафанное радио и заявки через личное собеседование.

— И что я там ищу? — спросила Кира, откладывая листок, хотя взгляд помимо воли ещё раз скользнул по фотографии.

— Что обычно. Деньги, где они оседают — оффшоры, недвижимость, странные благотворительные фонды. Психологическое давление на участников — есть ли зависимость, изоляция от близких, разрушенные семьи после ретритов. Хотя что-то, что превратит красивую картинку глянцевого спокойствия в разоблачение на первую полосу.

— А если там нечего разоблачать? Если человек просто хорошо делает своё дело?

Олег Петрович усмехнулся — той усмешкой опытного газетчика, который двадцать лет наблюдал закономерность и давно перестал в ней сомневаться.

— За восемь тысяч евро за три недели «ничего не происходит» не бывает, Кира. Что-то там происходит всегда. Вопрос только — что именно, и кто за это платит по-настоящему.

Она не была так уверена. Философия «дыма без огня» работала в девяти случаях из десяти, но не в десятом, а Кира давно научилась не путать статистику с гарантией. Впрочем, спорить с главредом сейчас означало упустить командировку в Португалию за счёт редакции, а последний год выдался таким изматывающим — три громких расследования подряд, две

судебные тяжбы с обиженными «гуру», разрыв с человеком, который так и не смог смириться с тем, что она вечно копает в чужой лжи вместо того, чтобы строить с ним общий дом, — что даже сомнительный, пропахший благовониями ретрит выглядел сейчас как настоящий отпуск.

— Хорошо, — сказала она. — Когда вылет?

— Через четыре дня. Инес — координатор центра — уже одобрила твою заявку под легендой.

— Какую легенду вы для меня придумали?

— Ту, что ты сама предложила в прошлый раз для похожего задания. Кира Величко, тридцать один год, владелица небольшого консалтингового бутика, выгоревшая на работе, ищущая перезагрузку. Имя настоящее — так спокойнее, меньше шансов проколоться на мелочи. Профессия выдуманная, но правдоподобная, с легендой, которую ты сможешь защитить в разговоре, если начнут копать глубже.

Дома, собирая чемодан этим же вечером в своей однокомнатной квартире на окраине, среди беспорядочно раскиданных по кровати вещей — льняные брюки, удобные для практик, пара платьев на случай общих ужинов, ноутбук, спрятанный отдельно, — Кира наткнулась на старую фотографию, застрявшую между страниц ежедневника. Она с матерью, три года назад, на кухне старой квартиры, которую через месяц продадут. Обе смеются, мать держит в руках чашку с отколотым краем, ту самую, из которой пила чай каждое утро двадцать лет.

Через месяц после этой фотографии мать отдала все деньги от продажи квартиры «наставнику», обещавшему удвоить капитал через «работу с денежным потоком вселенной». Деньги, разумеется, испарились вместе с наставником, который сменил номер телефона и, по слухам, открыл точно такой же курс под другим именем в соседнем городе. Отношения с матерью Кира так толком и не восстановила с тех пор — не потому что не простила, а потому что не могла отделаться от гнетущего ощущения, что мать выбрала верить кому-то чужому, красиво говорящему, больше, чем собственной дочери, которая предупреждала, умоляла, показывала документы о предыдущих жертвах того же человека.

Она сунула фотографию в паспорт, между страницами, — как напоминание, зачем она это делает. Не ради заголовка. Не ради премии за лучшее расследование года, хотя было бы неплохо. А ради того, чтобы таких фотографий, обрывающихся на полуслове доверия, стало на одну меньше в чьей-то жизни.

Она хорошо умела быть кем-то другим — три года работы под прикрытием этому научили её основательно. Уверенная бизнесвумен на грани нервного срыва. Скучающая наследница, ищущая смысл жизни. Разведённая женщина, готовая заплатить любые деньги за то, чтобы снова почувствовать себя живой. Легенды менялись, суть оставалась одна — она всегда наблюдатель, всегда на шаг снаружи, никогда по-настоящему внутри.

Глава 2. Синтра

Синтра встретила её туманом, стекающим с холмов, как молоко, разлитое по зелёным склонам. Из иллюминатора такси, петлявшего вверх по серпантину от вокзала, Кира видела, как дворцы торчали из этой белёсой дымки — розовые, охристые, увенчанные башенками и нелепыми в своей избыточности украшениями, будто кто-то полтора века назад построил декорации к сказке для богатых чудаков и с тех пор забыл их убрать. Воздух пах эвкалиптом и сыростью, а тишина за окном стояла настолько плотная, что даже звук мотора казался неуместным вторжением.

Ретрит-центр располагался за пределами туристической части города, в старой кинте — поместье с виноградником и старым каменным домом, переделанным под что-то среднее между спа и монастырём. Никакой роскоши напоказ, ни бассейнов с видом, ни глянцевых вывесок — только вековой камень стен, тёмное дерево полов, и та особая, почти осязаемая тишина, которая заставляла Киру автоматически понизить голос ещё на въездных воротах, хотя рядом никого не было.

Её встретила женщина по имени Инес — координатор центра, лет пятидесяти, с седыми волосами, забранными в свободный пучок, и той спокойной, ничего не выражающей улыбкой, которая у Киры за годы работы автоматически вызывала настороженность. Спокойствие в её профессиональном опыте почти всегда что-то скрывало — либо хорошо отрепетированную маску продавца, либо действительно достигнутый внутренний покой, который встречался настолько редко, что Кира давно перестала верить в его существование у людей, работающих с деньгами клиентов.

— Комната на втором этаже, окна во двор, — сказала Инес, забирая у неё небольшой чемодан и ведя по узкой каменной лестнице. — Телефоны и остальные гаджеты мы просим сдать на ресепшн на время программы — это часть процесса, не наказание, обещаю. — Она улыбнулась чуть шире, будто уже слышала это возражение сотни раз от предыдущих клиентов. — Матео встретит всю группу вечером, на общем круге в винодельне. А пока отдохните с дороги. Здесь не принято торопиться.

«Здесь не принято торопиться» — Кира мысленно взяла фразу в кавычки для будущей статьи, пока раскладывала вещи в шкафу из тёмного дерева, пахнущем воском. Заголовок сам собой складывался в голове, лёгкий и хлёсткий: «Восемь тысяч евро за то, чтобы никуда не торопиться». Она сфотографировала комнату на запасной телефон, спрятанный в подкладке чемодана — деталь интерьера, обманчиво простого, но явно недешёвого: льняное бельё, керамический кувшин с водой на прикроватном столике, ни одного зеркала, что показалось ей особенно любопытным наблюдением для будущего текста.

Вечером, когда затянутое туманом небо стало наливаться сумеречной синевой, группа — двенадцать человек, в основном женщины сорока-пятидесяти лет с усталыми глазами успешных людей, один мужчина её возраста с обручальным кольцом, которое он то и дело нервно крутил на пальце, судя по всему, недавно переживший или переживающий развод, — собралась в старой винодельне, переоборудованной под просторный зал для практик. Каменные своды, деревянные балки под потолком, свет от десятков свечей, тёплый и приглушённый настолько, что лица собравшихся казались мягче, моложе, беззащитнее, чем при дневном освещении. Пахло воском и чем-то травяным, лавандой, может быть, или шалфеем — Кира не была уверена, никогда не разбиралась в этом достаточно, чтобы уверенно опознать запах.

Матео вошёл без объявлений, без торжественного выхода, без музыки или приглушённого света, специально усиленного для эффекта — просто оказался в кругу в какой-то момент, будто был там всегда, а остальные просто не замечали его присутствия до сих пор. Ниже ростом, чем казался на фотографии в досье, но с той же спокойной определённойостью в движе-

ниях, которая читалась даже в том, как он опустился на подушку в центре круга — без суеты, без желания произвести впечатление самой посадкой.

Он не улыбался заискивающе, не включал харизму на полную мощность в первые же секунды, как обычно делают коучи, стремящиеся сразу захватить внимание аудитории и не отпускать его весь вечер. Наоборот, он молчал секунд десять, может быть, пятнадцать — целая вечность для комнаты, полной незнакомых друг другу людей, — просто оглядывая круг лиц за лицом, и это молчание, вопреки всем ожиданиям Киры, почему-то не было неловким. Оно было каким-то образом наполненным, будто он действительно что-то видел в каждом лице, а не просто выдерживал драматическую паузу перед заготовленной речью.

— Большинство из вас, — сказал он наконец на хорошем английском с лёгким, приятным португальским акцентом, — приехали сюда, чтобы что-то в себе починить. Разрушенный брак. Выгорание на работе, которая когда-то была мечтой. Тишину внутри, которая стала слишком громкой, чтобы её игнорировать. Я хочу сразу, в первый же вечер, сказать вам нечто важное: я не умею чинить людей. Я вообще не уверен, что людей нужно чинить — это подразумевает, что вы сломаны, а я в это не верю. Я умею только одно — задавать вопросы, на которые вы сами дома не решались себе ответить.

Кира внутренне хмыкнула, привычно раскладывая услышанное на составные части манипуляции. Классический ход — снять с себя ответственность за результат заранее, обезопасить себя от будущих претензий недовольных клиентов. Если через три недели человек не почувствует обещанной трансформации, виноват будет он сам, «недостаточно открывшийся процессу», а не метод и не тот, кто его продаёт за баснословные деньги. Она видела этот приём десятки раз в других контекстах, только формулировки менялись.

Матео прошёл по кругу взглядом, задерживаясь на каждом лице на секунду, может быть, две дольше, чем требовала простая вежливость приветствия. На мужчине с обручальным кольцом задержался особенно долго, и тот вдруг резко перестал крутить кольцо, будто пойманный на чём-то постыдном. Когда взгляд Матео дошёл до Киры, он задержался ещё дольше — на два, три удара сердца дольше, чем на остальных, и в этой паузе было что-то, отчего у неё непроизвольно напряглись плечи.

— А вы, — сказал он, не то чтобы улыбнувшись, но что-то похожее, едва уловимое, мелькнуло в уголках его губ, — приехали сюда за чем-то другим, я думаю.

Внутри у Киры что-то резко сжалось — короткая, почти животная вспышка тревоги разоблачённого человека, инстинктивная реакция, которую она не успела подавить до того, как та отразилась на лице. Но уже через мгновение она взяла себя в руки: он не мог знать. Не мог знать про диктофон, спрятанный в подкладке косметички, про досье с его именем в её защищённой папке, про Олега Петровича, ждущего первый отчёт через три дня. Это был просто трюк, старый как сама профессия мошенника или проповедника — сказать что-то расплывчато-проницательное каждому по очереди и внимательно наблюдать, кто вздрогнет сильнее остальных, тем самым выдав себя.

— Все мы здесь за чем-то другим, разве нет? — ответила она ровно, с лёгкой, отработанной годами улыбкой профессионального скептика, которая уже спасала её от разоблачения не в одном подобном разговоре.

Матео кивнул медленно, будто ответ вполне устроил его формально, но не убедил по существу, и двинулся дальше по кругу, к следующему человеку. Но весь оставшийся вечер, пока участники по очереди представлялись и коротко рассказывали, что привело их именно сюда, Кира ловила себя на том, что его взгляд возвращается к ней снова и снова, чаще, чем можно было бы списать на простую случайность или профессиональную привычку ведущего внимательно следить за аудиторией.

Глава 3. Первая практика

Утро началось в шесть — глухой удар гонга где-то в коридоре, а не привычный электронный сигнал будильника, что Кира сочла отдельным поводом для сарказма в мысленном блокноте будущей статьи. «День первый: клиентов лишают телефонов и будят гонгом в предрассветной темноте. Рабство добровольное, оплаченное заранее, восемь тысяч евро за право не выспаться».

Она лежала минуту в темноте комнаты, слушая, как за окном просыпаются птицы — множество голосов, незнакомых слуху горожанки, привыкшей к звуку мусоровозов и сигналящих машин под окнами. Потом всё же поднялась, оделась в удобные льняные брюки, привезённые специально для этой поездки, и спустилась в общую столовую, где уже собирались остальные, сонные, но послушные утреннему призыву гонга.

Завтрак был простой — овощи с местной фермы, яйца, что-то вроде запечённого хлеба без глютена и травяной чай в глиняных чашках без ручек, который Кира пить не стала из принципа, хотя горячий пар пах приятно, почти успокаивающе. Мало ли что туда подмешивают, думала она, хотя, глядя на то, с каким искренним аппетитом остальные участники наливали себе вторую чашку, невольно подумала, что паранойя — это профессиональная деформация, с которой не так-то просто расстаться даже за завтраком в тихом португальском поместье.

Первая практика, назначенная на восемь утра, называлась просто — «Круг вопросов». Все двенадцать участников расселись на плоских подушках в старой винодельне, лицом друг к другу, образуя почти правильный овал, и Матео, войдя, объяснил единственное правило: один человек говорит, пока не закончит, остальные молчат — никаких советов, никаких утешений, никакого «а у меня было похоже». Только слушают, полностью присутствуя, не отвлекаясь на подготовку собственного ответа.

— Начнём с простого, — сказал он, усаживаясь на такую же подушку, ничем внешне не выделяясь среди группы, кроме, пожалуй, той спокойной прямой осанки, которую невозможно было симулировать долго. — Скажите вслух то, что вы больше всего боитесь, что о вас подумают люди, если узнают правду о вашей жизни прямо сейчас.

По кругу, один за другим, зазвучали признания — сначала осторожные, банальные, потом всё более откровенные, будто атмосфера комнаты каким-то образом снимала защиту слой за слоем. Женщина в бежевом свитере призналась, что боится, что дети сочтут её неудачницей за развод, который она так и не смогла объяснить им внятно. Другая — что все вокруг знают, что успешный бизнес, которым она гордится в социальных сетях, на самом деле держится на кредитах и постоянном страхе краха. Мужчина с обручальным кольцом, которое он снова начал крутить, признался хриплым голосом, что боится, что все вокруг давно знают: жена ушла к его лучшему другу, а он единственный, кто узнал об этом последним, спустя полгода после того, как это стало общей тайной их компании.

Очередь дошла до Киры. Она заранее, ещё в самолёте, продумала легенду для подобного момента — что-то универсальное про страх собственной некомпетентности, стандартный набор откровений для успешной, но выгоревшей бизнесвумен на грани нервного срыва, легко проверяемый и совершенно безопасный.

— Я боюсь, — сказала она, выдержав паузу, будто это давалось ей с трудом, — что все вокруг узнают, что я не та, за кого себя выдаю.

Формально это было чистой правдой, произнесённой вслух впервые за много лет практики подобных легенд. Внутренне она усмехнулась собственной наглости — сказать чистую правду так, чтобы она прозвучала для окружающих просто удачной метафорой чужого, вымышленного страха.

Матео, сидевший через два человека от неё в кругу, не отреагировал внешне никак — не поднял бровь, не изменил позу, не подался вперёд, как делают ведущие, почуявшие интересный материал для дальнейшей работы. Но когда практика закончилась и участники начали медленно расходиться на короткий перерыв перед следующим блоком, разминая затёкшие от долгого сидения ноги, он подошёл к ней первым, минуя остальных, которые явно хотели бы получить его внимание не меньше.

— Красиво сформулировано, — сказал он тихо, понизив голос так, чтобы не слышали проходящие мимо остальные участники. — «Не та, за кого себя выдаю». Очень... многослойно, для человека, который якобы боится собственной некомпетентности в бизнесе.

— Просто честно, — ответила Кира, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без тени той тревоги, что снова кольнула где-то под рёбрами.

— Честность редко бывает «просто», — он посмотрел на неё чуть дольше, чем нужно было для обычного вежливого разговора между ведущим и участницей программы, и в этом взгляде читалось нечто среднее между профессиональным интересом психолога и чем-то более личным, что Кира пока отказывалась называть словами даже мысленно. — Обычно за одной простой правдой прячется вторая, третья, а иногда и четвёртая, более неудобная. Мне искренне интересно, на каком слое вы сейчас находитесь, госпожа Величко.

Он ушёл сразу после этих слов, не дожидаясь ответа, не пытаясь удержать драматическую паузу для эффекта — ушёл так, будто у него действительно были неотложные дела к следующей практике, а не желание оставить эффектную реплику напоследок и красиво удалиться. Кира осталась стоять посреди опустевшей винодельни, ощущая раздражение — острое, привычное раздражение человека, которого едва не раскусили, — смешанное с чем-то ещё, более тёплым и тревожным одновременно, чему она пока категорически не хотела давать название даже наедине с собой.

Глава 4. Досье

На третий день пребывания в центре Кира выдалось два часа свободного времени между утренними и вечерними практиками — «время тишины», как это скромно называлось в напечатанном на плотной бумаге расписании программы. Остальные участники разбрелись кто медитировать в старом винограднике, откуда открывался вид на далёкие холмы, кто просто спать в своих комнатах, восстанавливая силы после раннего подъёма. Кира заперлась в своей комнате на два оборота ключа, задёрнула тяжёлые шторы и достала телефон, тщательно спрятанный в потайном кармане подкладки чемодана — формально все гаджеты сдавались на ресепшн на время программы согласно правилам центра, но она предусмотрительно привезла с собой запасной, старый, купленный специально для подобных командировок.

Досье на Матео Соареса, собранное редакцией ещё до её отъезда, было заметно тоньше, чем ей бы хотелось для полноценного расследования. Родился в Порту, сорок три года, если верить единственному найденному официальному документу. Пятнадцать лет назад — успешный кардиохирург в одной из крупнейших клиник Лиссабона, один из лучших специалистов страны в своей узкой области, судя по немногочисленным упоминаниям в профессиональных изданиях того периода. Потом — резкий, необъяснённый обрыв карьеры, три года почти полного исчезновения из любого публичного поля, ни статей, ни интервью, ни даже упоминаний в социальных сетях знакомых. И появление уже в совершенно новом качестве — сначала небольшой ретрит-центр на несколько человек, потом книга, изданная скромным тиражом, но получившая неожиданно широкий отклик, и, наконец, растущая год от года слава закрытого, эксклюзивного наставника для состоятельных, разочарованных в обычной терапии людей.

Между исчезновением и новым появлением зияла пустота, необъяснённая ни одним найденным источником. Именно в эту пустоту редакция и хотела, чтобы Кира по-настоящему залезла, вытащив на свет то, что человек столь тщательно скрывал от публики все эти годы.

Она нашла старую заметку на португальском языке в архиве одной региональной газеты, перевела через приложение, спотыкаясь на неточностях машинного перевода: короткая, в несколько абзацев, заметка пятнадцатилетней давности о том, что доктор Матео Соарес потерял пациентку прямо на операционном столе — молодую женщину тридцати двух лет, мать двоих маленьких детей, поступившую на плановую операцию с относительно невысоким риском осложнений. Врачебная ошибка официально так и не была доказана в последующем внутреннем расследовании клиники, но заметка осторожно намекала на переработки хирурга в последние месяцы перед трагедией, на его собственные слова коллегам о том, что он в последнее время «не в себе», на возможное профессиональное выгорание, о котором тогда ещё мало кто открыто говорил в медицинской среде.

Кира перечитала этот короткий абзац трижды подряд, чувствуя, как меняется что-то важное в уже сложившейся у неё в голове картине персонажа.

Значит, не шарлатан из ниоткуда, придумавший красивую легенду с нуля ради лёгких денег состоятельных клиентов. Человек, который однажды что-то безвозвратно разрушил — возможно, чужую жизнь, оборвавшуюся на операционном столе, возможно, только собственную веру в себя и своё призвание — и после долгих лет молчания и исчезновения построил на обломках прежней личности совершенно новую, которую теперь продаёт за восемь тысяч евро состоятельным горожанам, ищущим смысл среди собственного благополучия.

Это меняло всю концепцию будущей статьи. Раньше у неё складывалась история про циничного манипулятора, наживающегося на чужой доверчивости. Теперь появлялась куда более сложная история про человека, всю жизнь бегущего от собственной непроработанной вины, утягивающего за собой доверчивых клиентов в свой личный, так и не завершённый про-

цесс исцеления, пока сам он, возможно, так толком и не разобрался в себе за все эти пятнадцать лет.

Обе версии в равной степени годились для громкого заголовка. Но что-то в самой Кире — то самое, непрофессиональное, тревожное, чему она пока категорически не хотела давать имя даже в мыслях, — зацепилось вовсе не за перспективу эффектного разоблачения, а за куда более простой и человеческий вопрос: как вообще можно жить с подобным грузом пятнадцать долгих лет, продолжая изо дня в день вставать по утрам?

Она отложила телефон на прикроватный столик экраном вниз и поймала себя на мысли, показавшейся ей самой пугающей своей новизной: впервые за долгое время работы под прикрытием ей хотелось не поймать человека на лжи, вывести его на чистую воду перед камерой или диктофоном, а по-настоящему понять правду, какой бы неудобной и не вписывающейся в удобный заголовок она ни оказалась.

Это было очень плохим знаком. Для журналистки-расследователя — это был прямой профессиональный провал, потеря той самой холодной дистанции, которая всегда отличала хорошую работу от посредственной. Для просто женщины, третий день живущей в старом португальском поместье, — предупреждение, которое стоило бы услышать и осознать значительно раньше, чем стало по-настоящему поздно что-либо менять.

Глава 5. Разговор у виноградника

К концу первой недели распорядок центра перестал казаться Кире экзотической декорацией и начал ощущаться почти естественным — подъём с гонгом, утренняя практика, час свободного времени, работа в парах или малых группах после обеда, вечерний круг перед ужином. Она с удивлением обнаружила, что тело само подстраивается под этот ритм быстрее, чем ей бы хотелось признавать вслух даже самой себе, — засыпала она теперь легче, чем дома, где привыкла листать телефон до двух ночи, разбирая очередное досье.

Свободный час она обычно проводила либо запершись в комнате с запасным телефоном, либо, если требовалось прогуляться, чтобы не выглядеть подозрительно замкнутой в глазах остальных участников, — среди старых виноградных лоз, тянущихся террасами вниз по склону холма. Именно там, на третий вечер второй недели, она снова столкнулась с Матео.

Он сидел на низкой каменной ограде, отделяющей виноградник от узкой тропинки, без телефона, без блокнота, просто глядя на закат, разливающийся над далёкими холмами в цвет разбавленного вина. Заметив её, он не окликнул сразу, но и не сделал вид, что не заметил — просто слегка подвинулся, освобождая место рядом с собой, будто это было само собой разумеющимся приглашением.

— Не самое типичное место для ведущего программы — сидеть в одиночестве и смотреть на закат, — сказала Кира, подходя ближе, хотя внутренний голос настойчиво советовал ей развернуться и уйти обратно в комнату, подальше от этого странного магнетизма, который она замечала в себе всё чаще последние дни.

— А что типично, по-вашему? — он повернул голову, взглянув на неё снизу вверх с тем же спокойным вниманием, что и в первый вечер. — Медитировать напоказ перед группой? Раздавать мудрые цитаты за ужином?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.